

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 1 (130), с. 177–192.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 1 (130), pp. 177–192.

Научная статья
УДК 811.512.145
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-1-130-14>
<https://elibrary.ru/umutry>

Репрезентация ценностной картины мира в паремике нагайбаков

Любовь Николаевна Чурилина

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова,
Магнитогорск, Россия
lchurilina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2898-8538>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования национальной специфики картины мира представителей малого этноса, проживающего на Южном Урале. Объектом описания стала паремика нагайбаков как система языковых экспликаторов концептов, отражающих своеобразие аксиосферы бесписьменного этноса. Реконструкция фрагмента ценностной картины мира позволила выявить базовый набор концептов-аксиологем и определить специфику их взаимных связей. Значимым в исследовании является констатация факта нивелирования своеобразия национальной картины мира нагайбаков. Решение проблемы видится в развитии письменности.

Ключевые слова: национальная картина мира, аксиосфера, концепт-аксиологема, малый этнос, нагайбаки, паремия

Для цитирования: Чурилина Л. Н. Репрезентация ценностной картины мира в паремике нагайбаков. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 1 (130), с. 177–192. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-1-130-14>; EDN: UMUTRY

Representation of the world value picture in the paroemias of the Nagaybaks

Liubov N. Churilina

Nosov Magnitogorsk State Technical University,
Magnitogorsk, Russia
lchurilina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2898-8538>

Abstract. The article presents the national specifics of the world picture of a small ethnic group living in the Southern Urals. The object of the description was the paroemias of the Nagaybaks as a system of linguistic explicators of concepts reflecting the original axiosphere of a non-written ethnic group. Reconstruction of a fragment of the world value picture made it possible to identify the basic set of concepts and determine the specifics of their mutual ties. Significant in the study is the fact of leveling the originality of the national picture of the Nagaybak world. The author considers the solution to the problem to be in the development of the writing system.

Keywords: national picture of the world, axiosphere, concept-axiologeme, small ethnic group, the Nagaybaks, paroemia

© Чурилина Л. Н., 2026

For citation: Churilina L. N. Representation of the world value picture in the parables of the Nagaybaks. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 1 (130), pp. 177–192. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-1-130-14>; EDN: UMUTRY

Введение

На рубеже текущего столетия аксиологическая лингвистика вторглась в традиционную для философии исследовательскую область. Сегодня лингвоаксиология находится на стадии активной разработки собственного подхода к исследованию языкового материала, каковой (подход) должен соответствовать поставленной цели. Пристальный интерес философов к аксиологической проблематике имеет разные основания: чаще речь идет о глобализации, ведущей к утрате ценностных ориентиров, о наблюдаемой в «обществе потребления» деградации духовной сферы и о распаде традиционной системы ценностей (А. П. Валицкая и др.¹, В. В. Ильин², В. В. Тен³, Е. Л. Яковлева⁴). В этом контексте в качестве конечной цели рассматривается осмысление наблюдаемых процессов, выявление их причин и следствий. Интерес лингвистов лежит в иной плоскости и основан на стремлении к реконструкции через анализ языковых феноменов некой культурно обусловленной модели мира, центром которой является система ценностных ориентиров, позволяющая человеку понять принцип устройства окружающего пространства и научиться в нем жить (Н. Д. Арутюнова и др.⁵, А. Н. Баранов⁶, В. И. Карасик⁷). Ключевое для аксиологической лингвистики понятие *аксиосфера* соотносится с относительно глубоко разработанным в лингвистической практике понятием *концептосфера*. Следует признать, что используемая «сферическая» метафора несколько искажает характер соотношения двух терминов и стоящих за ними понятий (ср.: «сфера – замкнутая поверхность, все точки которой равно удалены от центра»), поскольку в обоих случаях речь идет не о самостоятельных, но о взаимно определяющихся сущностях. Анализ аксиосферы как совокупности знаков (*аксиологем*) предполагает анализ концептуальных структур (*концептов*), обобщающих «путем возведения к абсолютизирующему уровню – к статусу идеала, модели, принципа, нормы, качества – нравственный, моральный, эстетический, утилитарный, трансцендентально-целевой опыт человека и

¹ Аксиосфера современности: философско-эстетический анализ и нравственное обоснование социокультурных практик: Коллективная монография. Санкт-Петербург: Астерион, 2012. 251 с.

² Ильин В. В. Аксиология. Москва: Издательство Московского университета, 2005. 317 с.

³ Тен В. В. Аксиосфера культуры и филогенез мышления // Научное мнение. 2013. № 6. С. 21–29.

⁴ Яковлева Е. Л. Аксиосфера инклюзивной модели культуры // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. № 3 (12). С. 106–109.

⁵ Логический анализ языка: Языки этики / ответственные редакторы Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. Москва: Языки русской культуры, 2000. 448 с.

⁶ Баранов А. Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. 1989. № 3. С. 74–90.

⁷ Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.

общества»¹. Доминирующая роль аксиосферы в модели мира человека (существа ценностного) едва ли может быть оспорена. Что же касается специфических признаков собственно аксиологем, то к таковым может быть отнесена их безусловная и абсолютная детерминированность социальным бытием человека. Концепты-аксиологемы представляют собой сформировавшиеся в процессе становления этноса (национальной культуры) фрагменты знаниевых структур, принимаемые в ходе социализации «на веру» и становящиеся для субъекта основным критерием при самоидентификации². Не менее важной функцией концептов-аксиологем, или морально-этических концептов, является регулирование «взаимодействия человека с Другим (другими, социумом)»³.

Регулятивная функция концепта-аксиологемы предполагает наличие в его структуре в качестве системообразующего императивно-оценочного компонента – «хорошо» / «плохо», «добро» / «зло», – который позволяет, с одной стороны, управлять поведением субъекта, с другой стороны – задает параметры оценивания этого поведения. В целеполагании аксиологической лингвистики важно признание того факта, что «мир ценностей – моральных точно так же, как утилитарных – локализован в человеческом сознании, <...> ценностные представления и побудительные интенции поведения не имеют аналогов вне сознания»⁴, следовательно, реконструкция концепта-аксиологемы оказывается возможной только в случае наличия опосредующего звена, в нашем случае – языка. Мысль о языке как единственном объективном источнике информации о когнитивных процессах и национальной модели мира высказывалась неоднократно и задолго до формирования лингвоаксиологии. В частности, в известной работе В. А. Звегинцева констатируется: «Засвидетельствованный в языке опыт устанавливает границы мыслительной деятельности, а структурная организация, запечатленная в языковой классификации опыта, образует национальное мировоззрение. Лингвистическая модель мира в этом случае полностью сливается с той внутренней моделью, которая создается в сознании человека в процессе накопления им опыта и которая, по сути, и является тем, что именуется сознанием»⁵.

Существующая в виртуальной реальности, аксиосфера формируется в ходе социальной деятельности. Признание деятельностной природы морально-этических и утилитарных оценок определяет критерии отбора языкового материала для реконструкции соответствующих концептуальных структур. Накопленный к настоящему моменту исследовательский опыт позволяет утверждать, что объектом анализа в ходе реконструкции концепта-аксиологемы не может быть слово / слова с оценочным компонентом в структуре лексического значения (*добро*, *зло* и под.)

¹ Серебренникова Е. Ф. Аксиологическое измерение дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 21 (732). С. 129–130.

² Чурилина Л. Н. Кризис самоидентификации россиян: лингвистический аспект // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3 (53). С. 95–102.

³ Арутюнова Н. Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 54.

⁴ Максимов Л. В. О дефинициях добра: логико-методологический анализ // Логический анализ языка: Языки этики. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 26.

⁵ Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике. – Москва: URSS, 2008. С. 159.

(А. В. Циммерлинг¹), но высказывание – текст, содержание которого составляет констатация социального одобрения / неодобрения некоторого события (М. И. Ибрагимов², Л. Н. Чурилина³). Этим объясняется устойчивое внимание лингвоаксиологии к паремиям (Р. М. Болгарова⁴, Т. Г. Бочина⁵, Г. Г. Кульсарина⁶, Э. О. Курбанова⁷, О. В. Ломакина⁸, А. К. Матикеева⁹, Н. Ю. Нелюбова¹⁰, Н. Н. Семенов¹¹ и др.). Паремии фиксируют в коллективном сознании традиционную для этноса систему моральных и утилитарных постулатов: «Обиход слагается из “прописей”, из принятых каждой социальной и культурной формацией аксиом, трактующих о добре и зле, о жизни и смерти, о прекрасном и безобразном, определяющих поведенческие структуры, нравственные и эстетические запреты и рекомендации»¹².

Основная часть

Сложность анализа и структурирования системы морально-этических концептов малого этноса, каковым официально признаны нагайбаки, определяется рядом причин. Смена ареала проживания – вынужденное переселение в приграничные районы Империи, смена основной сферы деятельности – охрана земель, принятие православия – каждый из этих факторов, а тем более их совокупность, не могли не привести к

¹ Циммерлинг А. В. Этические концепты и семантическое поле // Логический анализ языка: Языки этики. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 190–199.

² Ибрагимов М. И. Идентичность в литературе (на материале татарской поэзии XX века) // Филология и культура. 2013. № 1 (31). С. 151–154.

³ Чурилина Л. Н., Мурзина В. А. Этические концепты в текстах современной рок-поэзии // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 221–230.

⁴ Болгарова Р. М., Исламова Э. А. Бинарная оппозиция «добро / зло» в русском языковом сознании // Вестник филологических наук. 2025. Т. 5, № 5. С. 85–91.

⁵ Бочина Т. Г. Внутривидовая валентность бытийных ценностей в русской паремике // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 77–81.

⁶ Кульсарина Г. Г. Этические концепты в башкирской фольклорной картине мира // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15, № 3–1. С. 958–961.

⁷ Курбанова Э. О. Концепты "совесть", "стыд", "честь" в русской фразеологической и пословичной картинах мира // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 1 (92). С. 423–425.

⁸ Ломакина О. В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Т. 7 (73), № 1. С. 97–107; Ломакина О. В. Паремнология как система (на материале горномарийского литературного языка) // Финно-угроведение. 2024. № 4 (68). С. 51–61.

⁹ Матикеева А. К. Этические концепты «добро» и «зло» в языковой картине мира кыргызского народа // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10, № 7. С. 579–584.

¹⁰ Нелюбова Н. Ю. Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 146–163; Нелюбова Н. Ю. Репрезентация ценностей в карельском паремнологическом фонде (на фоне паремий неродственных языков) // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 3. С. 476–485.

¹¹ Семенов Н. Н. Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 2. С. 213–232.

¹² Панченко А. М. О русской истории и культуре. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. С. 15.

неоднократным серьезным трансформациям исходной модели мира этноса. «Это сообщество, – как отмечается в этнографическом исследовании, посвященном нагайбакам, – сложилось на перекрестке путей, а культура их изначально представляла собой своего рода мозаику. Они впитали различные этнические и религиозные традиции: с одной стороны, элементы христианской религии, ислама и язычества, с другой – элементы русской, татарской, марийской, чувашской и других этнических культур. При исходной полиэтничности нагайбаки сложились в относительно монолитное сообщество благодаря социальной (казачьей), религиозной (православной) и языковой (тюркской) самобытности и обособленности от соседних групп»¹. Сохранение уникального языка как базового компонента «треугольника самобытности» нагайбаков (определение С. Ю. Белоруссовой) находится сегодня под угрозой исчезновения. Причина – отсутствие письменной традиции, и как следствие – отсутствие текстов. Реконструировать исходный вариант ценностной модели мира у бесписьменного народа практически невозможно, тем ценнее для исследователя паремии как наиболее консервативный пласт языковой материи.

Источником материала для реконструкции аксиосферы нагайбаков в нашем случае стал уникальный словарь пословиц и поговорок нагайбаков, подготовленный группой магнитогорских ученых². В основу модели национальной аксиосферы нами положен принятый в лингвокультурологии принцип системности: «...в национальных культурах ценности существуют не разрозненно, а образуют аксиосферу»³ или сложившуюся систему взаимно соотносящихся и определяющих друг друга ценностей.

Доминантой ценностно ориентированного концептуального пространства традиционно признается дихотомия «добро» / «зло». При этом содержательная основа обеих членов оппозиции не имеет формального выражения, поскольку представление о них детерминировано социально-психологической практикой субъекта: «высказывание “Добро есть X” <...> в действительности либо выражает “одобрение” относительно X, либо рекомендует или обязывает поддерживать и преумножать X»⁴. Таким образом, в рамках дихотомии речь идет о фактическом одобрении или неодобрении факта / поступка. Коль скоро оценочные семы ‘одобрение’ / ‘неодобрение’ не являются присущими слову, но детерминированы конкретной ситуацией, основная нагрузка в экспликации оценки переносится со слова на его контекстное окружение.

Паремии, эксплицирующие специфические моральные установки, воспринимаемые в социальном пространстве этноса *нагайбаки* как объективное «добро» или объективное «зло», объединены нами в три тематические группы, что позволяет пред-

¹ Белоруссова С. Ю. Исчезают ли нагайбаки? // Этнография. 2023. № 1 (19). С. 206.

² Барышникова О. И. Эйтэм тиктэн эйтелмей (Пословица недаром молвится): толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа / О. И. Барышникова, А. А. Осипова, С. Г. Шулержкова. Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати, 2019. 157 с.

³ Бочина Т. Г. Внутривидовая валентность бытийных ценностей в русской паремике // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 5. С. 77.

⁴ Максимов Л. В. О дефинициях добра: логико-методологический анализ // Логический анализ языка: Языки этики. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 21–22.

ставить реконструируемую аксиосферу как состоящую из трех секторов: (1) философия практической деятельности, (2) философия социальной деятельности и (3) философия личного пространства. При этом каждый сектор распадается на две антонимичные области (дихотомия «добро» / «зло»).

Паремии, включенные в словарь, позволяют утверждать, что базовым концептом в философии практической деятельности в коллективном сознании нагайбаков является концепт «Труд», причем речь преимущественно (за небольшим исключением) идет о сельскохозяйственной деятельности, а не о защите границ государства (ср. с «треугольником самобытности» – казачество).

Ожидаемые формулы оценочных высказываний могут быть представлены как «Добро – это трудолюбие» vs «Зло – это лень». Однако паремии демонстрируют перенос акцента с оппозиции «трудолюбие vs лень» на оппозицию «сытый vs голодный»¹: *аша туйгыныцы, эшлэ тирлэгенице* / «Ешь досыта, работай до по-та», *аша туйгыныцы, эшлэ алжагыныцы* / «Ешь досыта, работай до усталости», *аягың шапылтамаса – ауызың щепелтамас* / «Ноги не потопают – губы не пошлепают», *жэй аягың белән китергәнне қыш иренең белән жыясың* / «Что летом приволочишь ногами, то зимой подберешь губами», *қулың эшлэсэ, ауызың тешлэр* / «Если руки работают, есть, чем закусить», *тирлэп эшлэсэң, тәмнэп ашарсың* / «Поработаешь до поту, покушаешь влать», *эшлэмэсэң, ашамассың* / «Не поработаешь, не поешь», *тик тормаган туқ торган* / «Кто не бездельничает, тот сыт», *эше жуқның ашы жуқ* / «У кого работы нет, у того еды нет», *эшлэмэсэң эш көне, ней ашарсың қыш көне?* / «Не будешь трудиться в летние дни, что будешь есть в зимние дни?», *маңгаң тирлэмей, қазан қайнамай* / «Лоб не вспотеет – котел не закипит», *сабанда сайраш-масаң, ындырда ыңгырашырсың* / «На пахоте не попоешь – на овине постонешь», *тыныц сыу эцэ, тыныцсыз бал ашый* / «Покой пьет воду, а беспокойство – мед», *эи алда булса, ауыз балда булыр* / «Горька работа, да хлеб / мед сладок» и др.

Отсылка к меду как предпочитаемому продукту позволяет говорить о том, что символом трудолюбия в национальной картине мира является пчела, ее антиподом – жук; ср. также: *умарта бер тамцыга жыраққа оца* / «Пчелка далеко за каплей летит», *умарта асрасаң, бал ашарсың, дуңгызга бэйлэнсэң, тиреслектэ азапланырсың* / «С пчелкой водиться – в медку находиться, а с жуком связаться – в навозе оказаться». Сами символы носят скорее универсальный, чем этноспецифический характер, но способ экспликации метафоры не лишен своеобразия.

Как уже отмечалось, основная часть паремий прямо или косвенно (*сабан эштэн жсалтырый* / «Плуг от работы блестит», *эшлэмэсэң, көрэк тэ тутыга* / «От безделья и лопата ржавеет») отсылает к работам на земле, однако положительная оценка распространяется на активную жизненную позицию в целом – человек оценивается по делам; ср.: *агац – жимеше белән, адәм эше белән* / «Дерево – с плодами, человек – с работой»), *жөқлағанга өлеш жуқ* / «Кто спит, тому доли нет», *щаян булсаң – дан цыга, жыуаш булсаң, сантыйга саныйлар* / «Бойким будешь – прославят, тихим будешь – глупым прослынешь», *эзлэмэсэң – тапмыйсың да* / «Чего не поищешь, того и

¹ Во всех случаях нами использован перевод на русский язык, предложенный составителями словаря.

не найдешь», *эзлэгэн табар, таиқа қадақ қағар* / 'Кто ищет – найдет, в камень гвоздь вобьет', *үнарле үлмәс, үнарсез көн күрмәс* / 'С ремеслом не умрешь, без ремесла добра не увидишь', *жәргән таи шомара, жәтқан таи мүкләнә* / 'Ходячий камень становится гладким, лежащий камень обрастает мхом', *жәргән аяққа жәрем әярә* / букв. 'К ходячим ногам грязь прилипает' (о том, кто, если делает, то получает результат).

Возможность соотнести эту область аксиосферы с православием основана на незначительном на общем фоне числе паремий: *қодай эшлэгәнне жәрата* / 'Бог любит того, кто трудится', *тик торғанға (шайтан) тоттырган* / букв. 'Кто стоял (бездельничал), тому черт подсунул', *эшләмәгән эштән шайтан көлгән* / 'Над недоделанной работой черт смеется', *ындырда тирләсән, келәттә теләгәнне теләсән, ацтан үлмәссең* / 'На nive потей, в клети молись – с голоду не помрешь'. Как видим, оппозиция «добро vs зло» в этом сегменте не проявлена с достаточной степенью очевидности.

В описываемый сектор аксиосферы предсказуемо попадает пара концептов-стереотипов «Богатство vs Бедность», при этом бедность грозит ленивому: *жәлқаулық – жарлылықның ацқыцы* / 'Лень – ключ от бедности', т. е. предполагает отрицательную оценку. Обращает на себя внимание, что само по себе богатство в модели мира нагайбаков не рассматривается как ценность, но, скорее, как потенциал, т. е. то, что может стать источником «добра»; ср.: *бай да, жарлы да бер жир астында жата* / 'И богатый, и бедный под одной землей будут лежать', *ақцаң булса, дус табыла* / 'Деньги есть – друзья найдутся', *тәңкәң булса, тәкәң дә була* / 'Есть грош, есть и баран'.

В этой же тематической области целесообразно рассматривать паремии – экспликаторы концепта «Обман» («Алдау»). Неправедно нажитое не принесет пользы: *урлаган малда бәрәкәт жуқ* / букв. 'От краденой скотины пользы нет', *эшләп алган кисәк (ипей) урлаган қалацтан тәмнерәк* / 'Заработанный кусок / хлеб вкуснее краденого калача'.

Философия социального пространства отражена в паремиях, объединенных идеей добрососедства (концепт «Община»). В этом случае паремии выполняют функцию регулятора отношений внутри сообщества, призывая:

– «уважительно относиться к старшим»: *қартайған инәңне, атаңны ташлама* / 'Не оставляй отца и матери на старости лет', *қартлардан көлмә, үзең дә қартаерсың* / 'Не смейся над старым – и сам будешь стар', *оылар сүзен тотмаған, орылған да жығылған (сугылған)* / букв. 'Кто старших не слушается, тот бьется, падает (ошибается)', *оылар сүзен тотмасаң, оығайғыңны изгелек күрмәссең* / букв. 'Не прислушаешься к старшим – до старости не увидишь добра';

– «считайся с чужим мнением, но живи своим умом»: *үз өңдә – үзеңцә, ә кешедә – кешецә* / 'Дома я – как хочу, а в людях – как велят', *кешедән алдан жәгермә, ә кешедән қалма* / 'Вперед людей не забегай, а от людей не отставай', *кеше төтен цыгарганда, төтен цыгарырга кирәк* / букв. 'Когда люди дымят, надо тоже пускать дым', *күрише белән дус бул, ә ишек алдыңны бұл* / 'С соседом дружись, а забор городи', *кеше сүзен тыңна, үз ақылыңны тот* / 'Слушай людей, а держись своего разума';

– «живи в мире с соседями»: *қайда берлек, шунда көш* / 'Где единство, там сила', *бергә – бәрәкәтле* / 'Вместе полезно', *өй сатып алғыңызы, күршеңне сатып ал* / букв. 'Купи соседа раньше дома', *күрше белән татыу торырға кирәк* / букв. 'С соседом надо жить дружно';

– «будь благодарным за сделанное благое дело и не мсти за недоброе» и «не жди благодарности за сделанное тобой»: *ипей – тоздан баи тартма (каршы торма)* / 'От хлеба-соли не отказывайся', *бер рақмәт мең бәләдән қотқара* ('Одно спасибо от тысячи бед спасает'), *буққа тейсән, буқ буласың* / 'Грязью играть – руки марасть', *сиңа таш белән орсалар, син аш белән ор* / 'Тебя ударят камнем, а ты – едой'; *жақшылықны жаса да, жиргә ташла* / букв. 'Делай добро и брось на землю', *жақшылық жасадым дип сықрама, оныт* / 'Сделав добро, не кайся', *жауызлық эшләсән, жақшылық көтмә* / 'Сделав худо, не жди добра'.

В этой же группе социальных регулятивов особое место занимают достаточно многочисленные экспликации концепта «Гостеприимство». Специфическим признаком этого смыслового пространства следует признать акцентирование внимания именно на социальной, а не индивидуальной, значимости события – посещению чужого дома придается статус обоюдного долженствования: *күрше ашы қара – қаршы* / 'Соседское гостеприимство – взаимное дело', *қунақ ашы – қара қаршы* / 'Гостить – дело обоюдное', *ипей – тоз – қара қаршы* / 'Хлеб-соль – оплатное дело', *қунаққа бармайсың, қунақ шақырырға барасың* / 'Не в гости идешь, а идешь звать гостей', *сыйламасаң, сый күрмәссең* / 'Сам не будешь угощать, угощения не дождешься'. При этом межличностные отношения детерминируют поведение и гостя, и хозяина: *аш яесе белән татлы* / 'Еда вкусна по хозяину', *қунагына күрә сые* / 'По гостю и угощение'.

На этом фоне отмечается заметное число паремий, фиксирующих жесткие правила, регулирующие как поведение гостя, так и поведение хозяина. Так, хозяину вменяется в обязанность принять и накормить пришедшего: *ащ килгәнне туйдыр, киш килгәнне қундыр* / 'Голодного гостя покорми, кто стучится – приюти', *ащық шырай – жақшы көрмәт* / 'Хороший прием – лучшее угощение', *қунақ килде – бәйрәм* / 'Гость пришел – праздник', *қунаққа – өстәл, атқа – (бағана) қазық (ат бәйләргә)* / 'Гостю – стол, а коню – столб', *қунаққа сыең булмаса, сыйла тәмне сүз белән* / 'Если нечем угощать гостя, угости его хорошей беседой', *қунақ килсә – ит пеишә, ит пеишәсә – бит пеишә* / букв. 'Гость придет – мясо варится, мясо не сварится – лицо сварится'. Неисполнение хозяином этой обязанности порицается: *қашығы белән қаптыра, сабы белән суга* / 'Ложкой подает, концом тычет' (= угощает нехотя), *алты ай қайна қазаным әжде ай утыр қунағым* / букв. 'Шесть месяцев кипи мой котел, семь месяцев сиди мой гость. Ночуй – завтра поужинаем' (о жадном хозяине), *тышыннан жалтырый, эщенән қалтырый* / букв. 'Снаружи блестит, изнутри дрожит' (о хозяине, неохотно принимающем гостей).

Правил поведения для посетителя чужого дома больше, они более частные, но не менее категоричные:

– «не ходи в гости без приглашения»: *шақырған қунаққа урын – түрдә* / 'Званому гостю – первое место', *шақырмаған туйға барма* / 'Не зван на пир – не ходи', *әллә*

қунақ, аллэ муйнақ / 'То ли гость, то ли кость', *туйга туқмақ эяргэн* / букв. 'К свадьбе палка пристала' (о незваном госте);

– «не ходи часто» и «не гости долго»: *айда килгэн алтын табақтан, көндэ килгэн көл шүмещеннэн эцкэн* / букв. 'Кто приходит в месяц раз – с золотой посуды, а кто каждый день – с ковши, в котором золу выносят', *эйбэт қунақ гел (көндэ) жәрмей* / 'Хорош гость, коли редко ходит', *сейрэк барған (килгэн) сөйкемне* / 'Редкое свидание – приятный гость', *қунақ – өц көн, эннэн қунақ төгел* / 'Гость – три дня, а потом уже не гость';

– «не ходи в гости голодным»: *туйга барсаң, туп бар (қуеныңа ипей тығып бар)* / 'На свадьбу иди сытым; со своим хлебом за пазухой';

– «подчиняйся правилам хозяина»: *алдан килгэн урын өцен, арттан килгэн тамақ өцен* / букв. 'Гости – люди подневольные: где посадят, там и сядут, а хозяин, что чирий: где захочет, там и сядет', *қунақ өй эясең – шиге* / букв. 'Гость – осел хозяина', *қыстатқан қунақ ащ қайтып китэ* / 'Ломливый гость голодный уходит', *сыйлап биргэн, сыу да эцкэн* / 'Пей и воду, если угощают', *аштан олы булып булмый* / 'Старше еды не будешь' (= нельзя отказываться от предлагаемой еды).

При этом гость всегда должен помнить о том, что для хозяина, даже хлебосольного, его визит обременителен: *қунақ қунақны сөймәс, өй эясе (қужа) берсен дә сөймәс* / букв. 'Гость гостя не любит, а хозяин никого не любит', *қунақ қунақны сөймәс, өй эясе берсен дә сөймәс* / букв. 'Гость гостю не рад, а хозяин никому не рад', *шақырған қунақ сыйларға қыйбат* / 'Званный гость убыточен', *қунақның килгәнәнә қыуанма, киткәнәнә қыуан* / 'Не радуйся гостину приезду, радуйся отъезду'.

Несмотря на жесткое регулирование сферы социального взаимодействия, достаточных оснований для поляризации шкалы ценностей «добро / зло» в этом сегменте аксиосферы недостаточно. Распределение на этой шкале паремий, эксплицирующих основы этнически выверенной философии социальной деятельности, носит градуальный характер, что говорит о предсказуемо сложной организации этой части модели мира.

Философия личного пространства представлена паремиями, устанавливающими правила поведения в ситуациях широкого круга, как правило, не зависящих от поведения других участников социального взаимодействия, но отражающих личностные установки. Зона эмоционального комфорта очерчивается паремиями не менее жестко, чем зона социального взаимодействия:

– «не желай чужого» и «не завидуй»: *кешенекен алсаң, үзеңнекен жуярсың* / 'Чужое взять – свое потерять', *кешенекенә қызықма, үзеңнекен сақла* / 'Не зарься на чужое, свое береги', *кешенекенә қызықма, үзеңнекен жуярсың* / 'На чужое не зарься – свое потеряешь', *саесқан жөреуе белән жөреем дип, қарға үз жөреуен онытқан* / букв. 'Обучаясь сорочьей походке, ворона забыла свою', *тимерне тут ашый, ә көңиңән үзен үзе ашый* / 'Железо ржа съедает, а завистливый от зависти погибает', *кешенекә синекә төгел* / 'За чужим погонишься – свое потеряешь', *көн күрмәснен күзе күрмәс* / 'Не завидуй, ослепнешь';

– «не бранись»: *эрләшмә: ауызың пыщраныр* / ‘Не бранись: нечисто во рту будет’, *эрләштән кеше жабыга, мақтаудан симерә* / ‘С брани люди сохнут, с похвалы бы толстеют’;

– «не хвались / хвастайся, не гордись»: *борыныңны күккә щөймә: щиләк элп куярлар* / ‘Не задирай нос к небу: ведро повесят’, *танауыңны щөймә: абынырсың* / ‘Не подымай носу / не закидывай головы – споткнешься’), *төкермә ауага: битеңә төшәр* / ‘Не плной на небо: на лицо попадет’, *кешенекен қурлама, үзеңнекен мақтама* / ‘Чужого не хай, своего не хвали’, *үзеңне үзең мақтама, кеше сине мақтасын* / ‘Сам себя не хвали, пусть тебя люди похвалят’;

– «знай меру во всем»: *әйбәтне – азрақ, тәмнене туймаслық, әщене – жәшең щықмасын* / ‘Хорошего – помаленьку, сладкого – не досыта, горького – не до слез’, *бал татлы дип, ике қашық ауызыңа тықма* / ‘Сладок мед, да не по две ложки в рот’, *күпкә ышанған, аздан қоры қалған* / ‘Многого захочешь – малого лишишься’, *күпне теләп аздан қоры қалма* / ‘Будь малым доволен – больше получишь’, *улицәмейще щабата да үрелмей* / ‘Без меры и лаптя не сплетешь’, *күпкә ышанған – аздан қоры қалған* / ‘За большим погонишься – и малого не увидишь’, *күп теямә: алып қайтып жәитә алмасың* / ‘Тяжело нагребешь – домой не донесешь’;

– «будь готов к любим переменам»: *әще белән төщене татыған белер* / букв. ‘Горько или пресно, узнает пробующий’, *көндә бал да май ашап булмый* / ‘Каждый день мед с маслом не бывает’, *туқ булсаң, ащлықны онытма, бай булсаң – жуқлықны (жарлылықны)* / ‘При сытости помни голод, при богатстве – убожество’;

– «отвечай за сказанное слово, не болтай»: *биргән сүзеңдә тор* / ‘Дал слово – держись’, *әйткән сүз – қаққан қадақ* / ‘Сказанное слово – вбитый гвоздь’, *жәгет сүзе бер булыр* / ‘Мужское слово – одно’, *сүз ауызыңда щақта син қужа, ауызыңнан ыцқынса, ул сиңа қужа* / ‘Пока слово во рту, ты хозяин, вылетело – оно хозяин’, *ауызың тулы қан булса да, дошман алдында төкермә* / ‘Хоть полный рот крови, перед врагом не выплевывай’ (не выдавай тайну), *ауызы тулы қан булса да, төкермәс* / ‘Хоть кровь во рту, не выплюнет’;

– «не осуждай других, не желай другому зла»: *үзеңне үзең бел* / букв. ‘Знай сам себя’, *үзең теләмәгәнне кешегә дә теләмә* / ‘Не желай другому того, чего себе не желаешь’, *кешене сөйләмә, сине дә сөйләмәсләр* / ‘Не суди, тебя не осудят’, *кешедән көлмәк, үзеңә килмәк* / букв. ‘Над людьми посмеешься, к тебе и вернется’, *көлмә кешедән – ауызың қыйгаер* / ‘Не смейся над людьми – рот скривится’.

Представленные в этом блоке паремий аксиологемы-императивы имеют очевидно универсальный, общечеловеческий характер. При этом они не только часть коллективного сознания, они усваиваются / присваиваются субъектами, становятся частью Эго, а потому обладают разной степенью интериоризации (присвоения). В числе условий формирования социо-оценочного концепта в сознании индивида Н. Д. Арутюновой (помимо признания социумом / социальной группой наличия правила) названы два наиболее значимых: «Оценка Другим (другими, социумом) поступка, поведения, действия или облика Эго» и «реакция Эго на оценку Другого»¹.

¹ Арутюнова Н. Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 57.

Показателем степени присвоения морально-этических норм является внутренний регулятор, именуемый «совесть» и в русской модели мира традиционно соотносимый со «стыдом»; ср. замечание Н. Д. Арутюновой: «Стыд (чувство стыда) предполагает взгляд извне. Он возникает в условиях “наружного наблюдения” – реального или воображаемого»; совесть – «автономный компонент внутреннего человека. Угрызения совести не зависят от соглядатая»; «Стыд формирует социального человека, совесть – нравственную личность. Стыд учит человека поведению, совесть – поступкам»¹.

В нагайбакском языке концепты «Стыд» / «Совесть» эксплицированы одной лексемой *оят* / *оял*, что не является показателем неразграничения понятий. О наличии в национальном сознании грани между «стыдом» и «совестью» свидетельствует паремия *ояты бар ояла белә* / ‘В том стыд, в ком и совесть’. В исследуемом корпусе паремий единиц, эксплицирующих концепт «Стыд», немного. Часть их связана с христианским моральным кодексом: *қодае барның ояты да бар* / ‘В ком есть Бог, в том есть и стыд / совесть’, *қодайдан қурықмаган кеше кешедән дә оялмый* / ‘Кто Бога не боится, тот и людей не стыдится’, *қодайдан да қурықмый, кешедән дә оялмый* / ‘Ни Бога не боится, ни людей не стыдится’; часть – не свидетельствует о наличии такой связи: *түймас күз оят белмей* / ‘Завидущие глаза не знают стыда’, *түйсаң, оят бел* / ‘Когда сыт, знай стыд’. Особого внимания в этом ряду заслуживает паремия *үлемнән оят көңле* / ‘Совесть сильнее смерти’. Несмотря на отсутствие разграничения на уровне лексем *оят* / *оял* (обоснованный отказ от такого разграничения требует анализа текстов, каковых, как уже отмечено выше, нет), составители словаря при переводе паремии на русский язык оправданно отдали предпочтение *совести*: от чужого глаза можно скрыть свои пороки, от внутреннего цензора – совести – не скроешься.

На оценочной шкале, отраженной совокупностью паремий сегмента «философия личного пространства», размещены преимущественно порицаемые качества / свойства личности («зло»), однако отрицание отрицательного устанавливает в результате положительно оцениваемые, но прямо не называемые ориентиры, принятие которых должно стать условием эмоционального комфорта.

Выводы

Выявленные в процессе анализа паремии нагайбаков ценностные ориентиры в каждом из трех случаев – философия практической деятельности, философия социальной деятельности и философия личного пространства – могут быть представлены в виде двухполюсной шкалы («добро» / «зло»). Однако степень жесткости распределения оценок на этих шкалах различна: жесткая поляризация в сфере практической деятельности – отсутствие явно выраженной оппозиции в сфере социальной деятельности – имплицитность полюса «добро» в сфере личностного комфорта.

Реконструированный фрагмент картины мира нагайбаков является свидетельством универсальности его ценностной составляющей. Этноспецифические черты (наличие которых можно предполагать на предыдущих этапах формирования этно-

¹ Арутюнова Н. Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 58.

са) практически нивелированы в годы советской власти: «Репрессии советского времени были направлены против всех этнических оснований нагайбаков – православия (атеистическая пропаганда), казачьего статуса (политика рассказывания) и нагайбакского говора (в обучении и официальном общении его заменил татарский язык)»¹. Отсутствие у нагайбаков письменной традиции усугубило негативное влияние среды. Материал словаря² включает паремии, фиксируемые в разговорной практике носителей языка первой четверти XXI столетия, что не могло не сказаться на составе единиц. Сегодняшний нагайбак – житель сельской местности, ареал расселения нагайбаков ограничен несколькими селами Челябинской области. Связанные с этим социоспецифические черты нашли отражение в паремиях: тяжелый труд на не отличающихся плодородием уральских землях и немногочисленность этноса предполагают высокую степень зависимости людей друг от друга, – возможно, этим определяется и общее число, и выявленная жесткость социальных регулятивов. Ценностная картина мира нагайбаков в современных условиях стала отражением стремления этноса, с одной стороны, к укреплению связей с соседями, с другой стороны – боязни раствориться в процессе ассимиляции, утратив вместе с языком основы своей культуры.

Хотелось бы надеяться, что предпринятая попытка создания алфавита и описания грамматики нагайбакского языка³ послужит созданию этноспецифических текстов, которые, в свою очередь, откроют исследователю доступ к модели мира одного из малых этносов России.

Список литературы / References

Аксиосфера современности: философско-эстетический анализ и нравственное обоснование социокультурных практик: Коллективная монография. Санкт-Петербург: Астерион, 2012. 251 с.

The axiosphere of modernity: philosophical and aesthetic analysis and moral justification of sociocultural practices. St Petersburg: Asterion, 2012. 251 p. (In Russ.)

Арутюнова Н. Д. О стыде и совести. *Логический анализ языка: Языки этики*. Москва: Языки русской культуры, 2000, с. 54–78.

Arutiunova N. D. On shame and conscience. *Logical analysis of language: Languages of ethics*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2000, pp. 54–78. (In Russ.)

¹ Белоруссова С. Ю. Исчезают ли нагайбаки? // *Этнография*. 2023. № 1 (19). С. 208.

² Барышникова О. И., Осипова А. А., Шулежкова С. Г. *Эйтем тиктэн эйтелмей (Пословица недаром молвится): толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа*. Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати, 2019. 157 с.

³ Шулежкова С. Г. Проблемы описания грамматической системы нагайбакского языка // *Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: Тезисы докладов 83-й международной научно-технической конференции*. Т. 3, Магнитогорск, 21–25 апреля 2025 года. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2025. С. 373.

Баранов А. Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика). *Вопросы языкознания*, 1989, № 3, с. 74–90.

Baranov A. N. Axiological strategy in the structure of language (paremiology and word-stock). *Topics in the study of language*, 1989, no. 3, pp. 74–90. (In Russ.)

Барышникова О. И. *Әйтәм тиктән әйтелмей (Пословица недаром молвится):* толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа / О. И. Барышникова, А. А. Осипова, С. Г. Шулежкова. Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати, 2019. 157 с.

Baryshnikova O. I. *Әйтәм тиктән әйтелмей (Proverb speaks for a reason): an explanatory dictionary of proverbs and sayings of the Nagaybak people*; compiled by O. I. Baryshnikov, A. A. Osipova, S. G. Shulezhkova. Magnitogorsk: Magnitogorskii Dom pechati, 2019. 157 p. (In Russ.)

Белоруссова С. Ю. Исчезают ли нагайбаки? *Этнография*, 2023, № 1 (19), с. 203–224.

Belorossova S. Yu. Are the Nagaybaks disappearing? *Ethnography*, 2023, no. 1 (19), pp. 203–224. (In Russ.)

Болгарова Р. М. Бинарная оппозиция «добро / зло» в русском языковом сознании. *Вестник филологических наук*, 2025, т. 5, № 5, с. 85–91.

Bolgarova R. M. The binary opposition "good / evil" in Russian linguistic consciousness. *Philological Sciences Bulletin*, 2025, vol. 5, no. 5, pp. 85–91. (In Russ.)

Бочина Т. Г. Внутривидовая валентность бытийных ценностей в русской паремике. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2025, т. 47, № 5, с. 77–81.

Bochina T. G. Intraspecific valence of existential values in Russian paremics. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2025, vol. 47, no. 5, pp. 77–81. (In Russ.)

Звегинцев В. А. *Мысли о лингвистике*. Москва: URSS, 2008. 336 с.

Zvegintsev V. A. *Thoughts on Linguistics*. Moscow: URSS, 2008. 336 p. (In Russ.)

Ибрагимов М. И. Идентичность в литературе (на материале татарской поэзии XX века). *Филология и культура*. 2013, № 1 (31), с. 151–154.

Ibragimov M. I. Identity in literature (based on Tatar poetry of the XX century). *Philology and culture*, 2013, no. 1 (31), pp. 151–154. (In Russ.)

Ильин В. В. *Аксиология*. Москва: Издательство Московского университета, 2005. 317 с.

Il'in V. V. *Axiology*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2005. 317 p. (In Russ.)

Карасик В. И. *Языковые ключи*. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.

Karasik V. I. *Language keys*. Volgograd: Paradigma, 2007. 520 p. (In Russ.)

Кульсарина Г. Г. Этические концепты в башкирской фольклорной картине мира. *Вестник Башкирского университета*, 2010, т. 15, № 3–1, с. 958–961.

Kulsarina G. G. Ethical concepts in the Bashkir folklore picture of the world. *Bulletin of Bashkir University*, 2010, vol. 15, no. 3-1, pp. 958–961. (In Russ.)

Курбанова Э. О. Концепты "совесть", "стыд", "честь" в русской фразеологической и пословичной картинах мира. *Мир науки, культуры, образования*, 2022, № 1 (92), с. 423–425.

Kurbanova E. O. The concepts of "conscience," "shame," "honor" in Russian phraseological and proverbial pictures of the world. *World of science, culture, education*, 2022, no. 1 (92), pp. 423–425. (In Russ.)

Логический анализ языка: Языки этики / ответственные редакторы Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. Москва: Языки русской культуры, 2000. 448 с.

Logical analysis of the language: Languages of ethics; responsible editor: N. D. Arutyunova, T. E. Yanko, N. K. Ryabtseva. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2000. 448 p. (In Russ.)

Ломакина О. В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. 2021, т. 7 (73), № 1, с. 97–107.

Lomakina O. V. The study of proverbs in the value paradigm: the methodology of research and criteria for highlighting evaluability. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 2021, vol. 7 (73), no. 1, pp. 97–107. (In Russ.)

Ломакина О. В. Паремология как система (на материале горномарийского литературного языка). *Финно-угроведение*, 2024, № 4 (68), с. 51–61.

Lomakina O. V. Paremiology as a system (based on the material of the Gornomarian literary language). *Finno-Ugric Studies*, 2024, no. 4 (68), pp. 51–61. (In Russ.)

Максимов Л. В. О дефинициях добра: логико-методологический анализ. *Логический анализ языка: Языки этики*. Москва: Языки русской культуры, 2000, с. 17–30.

Maksimov L. V. On definitions of the good: logical and methodological analysis. *Logical analysis of language: Languages of ethics*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2000, pp. 17–30. (In Russ.)

Матикеева А. К. Этические концепты «добро» и «зло» в языковой картине мира кыргызского народа. *Бюллетень науки и практики*, 2024, т. 10, № 7, с. 579–584.

Matikeeva A. K. Good and evil ethical concepts in the linguistic picture of the world of the Kyrgyz people. *Bulletin of Science and Practice*, 2024, vol. 10, no 7, pp. 579–584. (In Russ.)

Нелюбова Н. Ю. Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур. *Новые исследования Тувы*, 2022, № 1, с. 146–163.

Neliubova N. Iu. Axiological dominants of paroemias as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures. *The New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 146–163. (In Russ.)

Нелюбова Н. Ю. Репрезентация ценностей в карельском паремнологическом фонде (на фоне паремий неродственных языков). *Вестник угроведения*, 2022, т. 12, № 3, с. 476–485.

Neliubova N. Iu. Representation of values in the Karelian paremiological fund (against the background of proverbs of unrelated languages). *Bulletin of Ugric Studies*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 476–485. (In Russ.)

Панченко А. М. *О русской истории и культуре*. С.-Петербург: Азбука, 2000. 464 с.

Panchenko A. M. *On Russian history and culture*. St Petersburg: Azbuka, 2000. 464 p. (In Russ.)

Семененко Н. Н. Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2020, т. 11, № 2, с. 213–232.

Semenenko N. N. Axiology proverbs in the focus of the problem of cognitive-discursive modeling of the semantics of Russian proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 213–232. (In Russ.)

Серебренникова Е. Ф. Аксиологическое измерение дискурса. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*, 2015, № 21 (732), с. 128–137.

Serebrennikova E. F. Axiological dimension of discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2015, no. 21 (732), pp. 128–137. (In Russ.)

Тен В. В. Аксиосфера культуры и филогенез мышления. *Научное мнение*, 2013, № 6, с. 21–29.

Ten V. V. Axiosphere of culture and phylogeny of thinking. *Scientific opinion*, 2013, no. 6, pp. 21–29. (In Russ.)

Циммерлинг А. В. Этические концепты и семантическое поля. *Логический анализ языка: Языки этики*. Москва: Языки русской культуры, 2000, с. 190–199.

Zimmerling A. V. Ethical concepts and semantic fields. *Logical analysis of language: Languages of ethics*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2000, pp. 190–199. (In Russ.)

Чурилина Л. Н. Кризис самоидентификации россиян: лингвистический аспект. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 2016, № 3 (53), с. 95–102.

Churilina L. N. Crisis in Russian self-definition: linguistic aspect. *Problems of history, philology, culture*, 2016, no. 3 (53), pp. 95–102. (In Russ.)

Чурилина Л. Н. Этические концепты в текстах современной рок-поэзии. *Libri Magistri*, 2023, № 3 (25), с. 221–230.

Churilina L. N. Ethical concepts in the texts of modern rock poetry. *Libri Magistri*, 2023, no. 3 (25), pp. 221–230. (In Russ.)

Шулежкова С. Г. Проблемы описания грамматической системы нагайбакского языка. *Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: Тезисы докладов 83-й международной научно-технической конференции. Том 3 (Магнитогорск, 21–25 апреля 2025 года)*. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2025, с. 373.

Shulezhkova S. G. Problems of describing the grammar system of the Nagaybak language. *Topical issues of modern science, technology and education: Abstracts of the 83d international scientific and technical conference. Volume 3 (Magnitogorsk, April 21–25, 2025)*. Magnitogorsk: Izdatel'stvo Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. G. I. Nosova, 2025, p. 373.

Яковлева Е. Л. Аксиосфера инклюзивной модели культуры. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 2015, № 3 (12), с. 106–109.

Iakovleva E. L. Axiosphere inclusive model of culture. *Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*, 2015, no. 3 (12), pp. 106–109. (In Russ.)

Сведения об авторе

Любовь Николаевна Чурилина – доктор филологических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-2898-8538>, Ichurilina@gmail.com, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (д. 38, пр-т Ленина, Магнитогорск 455000 Челябинская область, Россия); **Liubov N. Churilina** – Doctor of Philological Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-2898-8538>, Ichurilina@gmail.com, Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, Lenin pr., Magnitogorsk 455000, Chelyabinsk Region, Russia).

Статья поступила в редакцию 21.12.2025; одобрена после рецензирования 12.01.2026; принята к публикации 26.01.2026.

The article was submitted 21.12.2025; Approved after reviewing 12.01.2026; Accepted for publication 26.01.2026.